



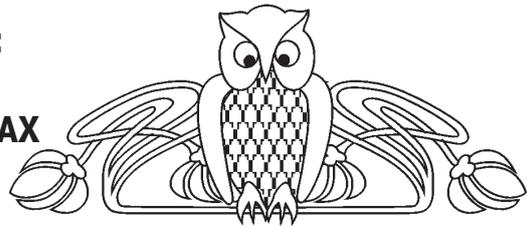
- 26 Советская поэзия : в 4 т. М., 1977. Т. 1. С. 365–366. Об авторстве этой песни см.: Бахтин В. Народ и война // Нева. 1995. № 5. С. 188.
- 27 Лебедев-Кумач В. Священная война // Советская поэзия. Т. 1. С. 365–366.
- 28 В памяти народной... С. 122.
- 29 Зап. И. Егорова, Е. Константинова, В. Лесова от Т. В. Разумовской, 73 года, Лихославль, 1987.
- 30 Зап. А. В. Перегриня от Н. А. Петуховой, 67 лет, Тверь, 1993 ; Зап. Л. Ю. Фролова от Л. Г. Фроловой, 65 лет, Тверь, 1999.
- 31 Зап. Л. Ю. Фролова от Л. Г. Фроловой, 65 лет, Тверь, 1999.
- 32 См.: Восток – Запад // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под. ред. Н. И. Толстого. М., 1995. Т. 1: А–Г. С. 445–447.
- 33 В связи с этими выводами обращает на себя внимание отношение жены к мужу в варианте жестокого романа «Кругом, кругом осиротела...»:

Когда девица взамуж вышла  
И обязалась детьми.  
Один кричит: «Мамаша, чаю!»  
Другой кричит: «Я спать хочу!»  
А старый демон на диване,  
Он просит трубку табаку.

- Современная баллада и жестокий романс / сост. С. Б. Адоньева, Н. М. Герасимова. СПб., 1996. С. 169.
- 34 Бахтин В. У русской песни женское лицо // Русские песенницы наших дней / сост. В. С. Виноградов. М., 1988. С. 3.
- 35 О существовании «детской традиции» в бытовании жестоких романсов см.: Современная баллада и жестокий романс... С. 354.
- 36 Зап. И. О. Трофимова от Риты (9 лет) и Андрея (7 лет) Кузнецовых, Калинин, 1978.
- 37 Зап. Ж. С. Шоколова от П. И. Мельниковой, 14 лет, д. Ивочево Старицкого р-на <?>, 2001.
- 38 Зап. А. В. Королькова от Н. И. Романовой, 10 лет, Тверь, 2004.
- 39 Зап. Е. О. Никитина, О. А. Ткаченко от П. Н. Смирнова, 1927 г. р., д. Старица Вышневолоцкого р-на, б/д.

УДК 821.161.109+929Окуджава

## ОБРАЗ XIX ВЕКА В ЛИРИКЕ Б. ОКУДЖАВЫ: К ВОПРОСУ О МОТИВНЫХ ПЕРЕКЛИЧКАХ В ПОЭТИЧЕСКИХ И ПРОЗАИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ ПИСАТЕЛЯ



А. В. Карстен

Саратовский государственный университет  
E-mail: karsten@bk.ru

В статье выявляются проблемно-тематические переключки и ассоциативные связи, возникающие на мотивном уровне между прозой и поэзией Б. Окуджавы в аспекте декабристской проблематики.

**Ключевые слова:** Окуджава, поэзия, проза, мотив, декабристская проблематика.

### XIX<sup>th</sup> Century Image in B. Okudzhava's Poetry: to the Question of the Motif Correlation in the Writer's Poetic and Prosaic Texts

A. V. Karsten

The article reveals problematic and thematic correlation and associative links that appear on the motif level between B. Okudzhava's prose and poetry within the framework of the Decembrist problem range.

**Key words:** Okudzhava, poetry, prose, motif, Decembrist problem range.

Для прозы и поэзии Б. Окуджавы свойственно некое переплетение времён, соотношение прошлого и современности, и это неудивительно – автор не раз сам называл себя человеком XIX века: «Я очень привержен к началу XIX века, – признавался он, – и сейчас все мои мысли находятся там,

и я себя даже начинаю ощущать представителем той эпохи»<sup>1</sup>. Через своеобразное художественное «воплощение» в героев XIX в. автор как будто стремится вернуться в «свою» эпоху, в которую он по случайности не попал. Погружаясь в изображение прошлого, Окуджава, тем не менее, остается чутким выразителем своего времени: в истории его интересуют события, явления, герои, позволяющие ему поставить волнующие его нравственно-философские проблемы, о чем неоднократно писали исследователи его творчества. В частности, Г. Белая справедливо замечала, что факты реальности находились на одном из полюсов его художественного мира – «на другом была попытка понять их высший, сокрытый в течении обычной человеческой жизни, смысл»<sup>2</sup>.

Одной из центральных тем, к которой обращается Б. Окуджава в исторической прозе (романах «Бедный Авросимов», «Путешествие дилетантов», «Свидание с Бонапартом»), становится декабристское восстание 1825 г. Показательно, что оно привлекает автора прежде всего с точки зрения того идейно-нравственного комплекса, носителями которого были участники выступления, тех черт представителей прошлого века, утрату которых современным человеком с горечью замечает автор. Как свидетельствует со-



держание романов Б. Окуджавы, тема декабризма является для них стержневой – действие всех трех произведений концентрируется вокруг событий, связанных с восстанием на Сенатской площади. По-разному осмысляемая, но определяющая для этих произведений, тема декабризма объединяет тексты автора в единый «декабристский цикл», становится своего рода связующим звеном между романами. Это «тематическое» единство закрепляется на уровне мотивной организации текста – сквозными, перетекающими из романа в роман мотивами, связанными с оценкой декабризма. Мотивная структура становится способом воплощения декабристской проблематики в ее неповторимо-авторском осмыслении. Иными словами, автор использует не только риторические, но и поэтические средства выражения своего взгляда на декабризм – систему взаимодействующих мотивов, «вплетенных» в высказывания тех или иных героев.

Подобно прозе Б. Окуджавы, обращающей читателя к событиям прошлого столетия, его поэзия также наполнена разнообразными аллюзиями, историческими переплетениями и взаимосвязями двух эпох. Более игровая по сравнению с прозой, где события минувших столетий неизменно обретают оттенок трагедийности, лирика отмечена скорее романтизированным отношением к прошлому. Предметом этой романтизации могут быть и XIX век, пушкинское время с его лихими гусарами, дуэлянтами и кавалергардами, и начало XX века, чьи герои – «господа юнкера», оставшиеся на полях германской войны; и времена Гражданской войны с их героиней – «комсомольской богиней». Однако главный исторический интерес автора все же связан с XIX веком.

В лирике автора в отличие от романов отсутствует декабристская тема как таковая и, соответственно, нет «декабристских» мотивов в том виде, в каком они представлены в прозе. Исключение составляет лишь показательное с точки зрения отношения автора к декабристам стихотворение «Лунин в Забайкалье» (написанное, возможно, под влиянием общения Б. Окуджавы с Н. Эйдельманом<sup>3</sup>), где декабриста Лунина, «неудачника опасного», автор вопрошает: «...а чем же вы это опасны?»<sup>4</sup> – и сам дает ответ на свой вопрос, вполне однозначный с точки зрения его симпатий: «Наверное, тем, что прекрасны, // и тем, что, наверно, пристрастны // в любви к отчизне своей» (376). По сути, на этом декабристская тема в ее чистом виде завершается в лирике автора. Между тем в поэзии Окуджавы воссоздается сам образ и дух XIX в., автор обращается к понятиям чести, славы, долга, совести – главным достоинствам офицера, кавалергарда, декабриста. Через призму этих черт сознания людей XIX в., запечатленных в поэзии, автор акцентирует важные для него современные нравственные проблемы. В поэтических текстах обнаруживаются мотивы, связанные с морально-нравственным комплексом, носителями

которого были в том числе декабристы. Помимо этого, в стихотворениях о современности возникают сквозные авторские мотивы (метатекстовые, единые для всего творчества Окуджавы – и поэтического, и прозаического) – *крови, судьбы, надежды, фантазий, воспарения, прозрения, пророчества, глотка свободы*, которые в романах становятся «декабристскими», проецируясь на декабристскую проблематику.

Так, можно констатировать, что поэзия и проза не только содержательно, но и на уровне поэтики взаимосвязаны друг с другом. Поэтому представляется важным проследить, какие переключки, ассоциативные связи на проблемно-тематическом и мотивном уровнях возникают между прозаическими и поэтическими текстами Б. Окуджавы в аспекте исследования декабристской проблематики.

И поэзию, и прозу Б. Окуджавы отличает удивительная способность чувствовать время, в котором живут и действуют его герои, настолько сильная, что кажется, и сам автор – из прошлого. Его поэзия уносит в иллюзорный и вместе с тем столь зримый мир доблестных гусаров и прекрасных дам: «В моей душе запечатлен портрет одной // прекрасной дамы. // Ее глаза в иные дни обращены. // Там хорошо, там лишних нет, // и страх не властен над годами, // и все давно уже друг другу прощены»<sup>4</sup>. Образы былых времен оживают для него даже в современной действительности, на знакомых поэту улочках: «Знаешь, Оля, на улочке этой, // где старинные стыннут дома, // в поединках сходились поэты, // гимназистки сходили с ума» («... И когда удивительно близко», 137) или: «Былое нельзя воротить... Выхожу я на улицу. // И вдруг замечаю: у самых Арбатских ворот // извозчик стоит, Александр Сергеевич прогуливается...» («Былое нельзя воротить, и печалиться не о чем...», 162); возникают в таких, например, сравнениях: «ночной комар, как офицер гусарский, тонок» («Музыка», 118), «Флейтист, как юный князь изящен...» («Песенка о ночной Москве», 174), «возвышаясь не почестей ради, // как гусары на райском параде» («Настольные лампы», 377). Окуджава не просто изображает эпоху XIX в. – он полностью погружается в нее, стилизует ее язык: к своим героям – друзьям-офицерам он обращается «Господин лейтенант!», «Видите ли, мой корнет...», «Господа юнкера!», «Кавалергарды! Век недолог...», к женщине – «Ваше Величество».

Особое, почётное место в этой стилизованной поэтике занимает центральный образ XIX в. – образ Пушкина. В своем особом отношении к фигуре Пушкина Окуджава признавался в интервью: «Я не литературовед и не могу объяснить своё внутреннее притяжение к Пушкину. Я вижу в Пушкине для себя идеал. Он недостижим, но важно стремление приблизиться к нему. И потом Пушкин для меня – колоссальная личность во всех отношениях, и в литературном, и в челове-



ческом»<sup>5</sup>. Вообще, образ Поэта – неотъемлемая часть лирики Окуджавы, в его стихотворениях в разные годы возникают и Державин («Державин»), и Дельвиг («Дом на Мойке»), и Грибоедов («Грибоедов в Цинандали»), и Чехов («Антон Палыч Чехов однажды заметил...»). Но ключевой фигурой ушедшего века для него все-таки остается Пушкин. «Пушкиниана» Окуджавы («Александр Сергеевич», «Счастливчик Пушкин», «Былое нельзя воротить, и печалиться не о чем...», «На углу у гастронома...», «Приезжая семья фотографируется у памятника Пушкину», «Считалочка для Беллы», «Приносит письма письмоносец...», «Ах, если б знать заранее, заранее, заранее...») довольно хорошо изучена<sup>6</sup>, и потому мы остановимся лишь на тех морально-нравственных представлениях людей XIX в., крайне притягательных для Окуджавы, о которых он напоминает читателю в стихотворениях о Пушкине – носителе и выразителе идеалов своей эпохи.

В стихотворении «Приносит письма письмоносец...», размышляя о событиях, предшествующих дуэли и убийству Пушкина, Б. Окуджава обращается к ключевому для XIX в. понятию чести: «Я знаю предков по картинкам, // но их пристрастие к поединкам – // не просто жажда проучить и отличиться, // но в кажущейся жажде мести // преобладало чувство чести, // чему с пеленок пофартило им учиться. // Загадочным то время было: // в понятие чести что входило? // Убить соперника и распрямиться сладко? // Но если дуло грудь искало, // ведь не убийство их ласкало... // И все это для нас еще одна загадка» (350–351). Какова природа и объем этого понятия, а главное, где и когда мы успели растерять его настолько, что оно становится «загадкой» для современного человека – вот те серьезные вопросы, которые автор ставит в пределах этого небольшого по объему текста.

В прошлом Б. Окуджаву привлекают именно те герои, явления, ситуации, события, из которых можно извлечь нравственные уроки для дня сегодняшнего. Поэтому в лирике, связанной по тематике с XIX в., как правило, присутствует современный план, позволяющий поставить волнующие поэта нравственно-философские проблемы. И, наоборот, в стихотворениях о современности автор вводит отсылки к событиям, героям, ситуациям прошлых эпох.

Подобная параллель времен возникает в последних строфах стихотворения «Александр Сергеевич», где образы Пушкина и ждущих его («в том дому» гвардейцев (возможно, будущих декабристов) дают автору импульс для размышлений о нас, современных людях, и в текст вводится обобщенное «мы» – коллективное сознание нашего времени, вмещающее и «я» самого автора. При этом мотив *славы*, соотношенный в тексте с «мы», переносится по смыслу на образы прошлого – Пушкина и его друзей-гвардейцев: «А пока, на славу устав надеяться, // мы к благополучию спешим

*нелегко, // там гулять готовятся господа гвардейцы, // к столу скликает «Вдова Клико». // Там напрадую, как перед всем светом, // как перед любовью – всегда правы... // Что ж мы осторожничаем? Мудрость не в этом. // Со своим веком можно ль на «вы»?» (111). Другой мотив – *осторожности*, свойственной его веку, – явно имеет негативные коннотации, однако показательно, что Окуджава не исключает трагической вины и своей личности, включаемой в обобщенное «мы», что придает строчкам интонацию не обличения, а исповеди. Этот словообраз, как эксплицитно представленная часть мотива *риска и осторожности*, впоследствии появится в прозе, получая метафорическое воплощение в мотиве *гранита и фантазии*.*

Другая часть этого мотива встречается в стихотворении еще об одном поэте – Лермонтове, чей трагический силуэт промелькнет на страницах исторического романа Б. Окуджавы «Путешествие дилетантов». В стихотворении «Встреча», являющемся, по сути, монологом поэта, мотив *риска* также характеризует и поэта, и определенное свойство личности дворянина той эпохи: «... и есть еще на свете много дела, // и нам с тобой нельзя не рисковать» (212). Здесь возникают другие мотивы, связанные с образом поэта: традиционный для лирики Окуджавы мотив *прощенья*, подчеркивающий великодушие поэта («– Мартынов – что... – // он мне сказал с улыбкой. – // Он невиновен. // Я его простил» (211)); мотив *детскости*, также перешедший впоследствии в прозу («Как дети мы – все забываем быстро, // обидчикам не помним мы обид» (211)).

В стихотворении «Берегите нас, поэтов, берегите нас» возникают и образы Дантеса и Мартынова – губителей двух великих поэтов. При этом их имена употребляются в тексте в собирательном значении и соотносятся с образом Поэтов вообще, от лица которых выступает сам автор: «Берегите нас с грехами, с радостью и без. // Где-то, юный и прекрасный, ходит наш Дантес. // Он минувшие проклятья не успел забыть, // но велит ему призванье пулю в ствол забить. // Где-то плачет наш Мартынов – поминает кровь: // он уже убил однажды, он не хочет вновь, // но судьба его такая, и свинец отлит, // и двадцатое столетие так ему велит» (159). Так автор проводит параллели с прошлым, вводит второй временной план в лирическое повествование.

В творчестве Б. Окуджавы 1970–1980-х гг. образы Пушкина и Лермонтова соединяются в пределах одного текста («Считалочка для Беллы», «Ах, если б знать заранее, заранее, заранее...») и по-прежнему предстают в романтизированном виде: «<...> Вот Лермонтов-поручник. // Он некрасив, нескладен, и все вокруг серо, // но как же он прекрасен, когда в руке перо! // Вот Александр Сергеевич, он в поиске и муке, // да козыри лукавы и не даются в руки, // их силуэты брезжут на дне



души его... // Терпение и вера, любовь и волшебство» (479).

Пушкин – эталонный, идеальный образ, воплощающий черты любимого Окуджавой сословия, представленного в лирике также не без идеализации: дворяне его молоды, изящны, ослепительны – гусары, корнеты, кавалергарды, юнкера. В песнях Окуджавы они шествуют в торжественном великолепии – «все они красавцы, все они таланты, // все они поэты» (265). Добронравие и бесстрашие, окрыленность и поэтичность, духовность и благородство – черты офицерства XIX в., в том числе и декабристов. Ведь возглавляли движение именно офицеры, просвещенное гвардейское дворянство, с которым в первую очередь были связаны представления о чести, достоинстве и благородстве. Поэтому многие из анализируемых образов Окуджавы могут быть спроецированы и на декабристов.

Гусары и командиры неизменно изображаются им либо перед войной («Солнышко сияет, музыка играет...»), либо на поле сражения, в момент смерти («Песенка о молодом гусаре», «Военные портяжки»), их образ всегда сопровождается мотивом славы или славной смерти: «То не ветер в поле стонет, // не дубравушка шумит... // Их на смерть никто не гонит – // сердце чистое велит. // И тогда над смертью слава // нарождается в дыму» (<...>) («Военные портяжки», 304). Две противостоящих друг другу стихии, война и любовь, владеют их молодыми сердцами, и одна из них оказывается сильнее на земле, другая – за пределами жизни. И вот уже убитый в бою «молодой гусар, в Амалию влюбленный» – теперь уже где-то в горней реальности, в вечности – по-прежнему «перед ней стоит колено-преклоненный» («Песенка о молодом гусаре», 358). Свое сожаление об ушедших временах автор не может скрыть, и в стихотворении снова входит современный план, позволяющий ему высказать наиболее болезненное: «Вот иные столетья настали, // и несчетно воды утекло, // и давно уже нет той Амалы, // и в музее пылится седло. // Позабыт командир – дам уездных кумир. // Жаждет новых потех просвещенный наш мир...» (358). В стихотворении «Нужны ли гусару сомненья...» к мотиву славы («Нужны ли гусару сомненья, // их горький и въедливый дым, // когда он в доспехах с рожденья // и слава всегда перед ним?») (386)) присоединяется мотив долга: «Он только пришел из похода, // но долг призывает опять» (368), но «это, наверно, природа, // которую нам не понять» – с сожалением добавляет автор, столь остро чувствующий разрыв между ценностями и устремлениями людей прошлых времен и современных ему.

С наибольшей силой сожаление поэта об ушедшем веке ощущается в стихотворении «Былое нельзя воротить, и печалиться не о чем...», где вновь образы прошлого контрастируют с «разумным», «многоопытным», по-своему любимым

автором, но все же не столь притягательным для него, по сравнению с девятнадцатым, нынешним веком. Четырежды повторяемое «А все-таки жаль» усиливает интонацию авторской тоски по минувшему, ощущение его безвозвратности. Это и сожаление о том, что нельзя встретиться с дорогим сердцу Пушкиным, пройти с ним по московским улочкам, поговорить о самом главном, о наболевшем, и о том, что «в Москве больше нету извозчиков», что «кумиры нам сняты по-прежнему // и мы до сих пор все холопами числим себя» и что «над победами нашими встанут пьедесталы, которые выше побед» (162).

Устойчивые «декабристские» ассоциации в лирике Окуджавы вызывает «Песенка кавалергарда», взятая в качестве основного музыкального сопровождения к фильму о декабристах «Звезда пленительного счастья». В этом тексте возвышенное, романтизированное отношение к излюбленным героям сохраняется, но осложняется интонациями тревоги и предостережений автора, знающего не понаслышке «как сладко все впервые, // как горько все потом» («Как время беспощадно...», 331). Мотив славы соединяется здесь с мотивом крови – ведущим в изображении декабристов в прозе Окуджавы: «Не раздобыть надежной славы, // куда кровь не пролилась...» (290).

Ассоциативно связано с декабристской проблематикой и стихотворение «Благородные жены безумных поэтов...», вызывающее в памяти жен декабристов. При этом слово «поэты» не ослабляет этой ассоциации, поскольку среди декабристов была целая плеяда литераторов, в числе которых наиболее известны Кондратий Рылеев, Александр Одоевский, Вильгельм Кюхельбекер, братья Бестужевы. Образ этих женщин, как и всегда у Окуджавы, опозитивирован: «героини поэм, и молвы, и куплетов, // обжигаящих сердце и слух», «ваши души сияют, как факел зажженный, // под которым блаженствуем мы» (489).

Итак, в стихотворениях об ушедшем веке Б. Окуджаве удалось передать некоторые свойства личности человека той эпохи, обладающего острым чувством чести, собственного достоинства, настроенного на решительные поступки, ценящего смелость, предприимчивость, твердость – все те качества, которые, по сути, и определяют облик декабриста. В исторической прозе автор не только не уходит от своих излюбленных тем и образов, связанных с XIX в., – он фокусирует на них свое внимание, избирая в качестве основного предмета изображения. При этом в романах этот интерес автора к эпохе конкретизируется, угол его зрения становится заметно «острее» и концентрируется уже на конкретных исторических событиях, среди которых основное – восстание декабристов. Кроме того, в прозе, где автор рассматривает события и героев 14 декабря и – шире – XIX века в контексте большого исторического времени, где «формулируется» историческая концепция автора, очевидным становится тяготе-



ние Б. Окуджавы к вопросам не только нравственного, связанного с кодексом чести дворянства XIX в., но и философского порядка. Здесь он затрагивает одну из важнейших для исторической романистики проблему насильственного вторжения в историю, которая реализуется в его романах «Бедный Авросимов», «Путешествие дилетантов», «Свидание с Бонапартом» через мотивы *крови и судьбы*.

#### Примечания

- <sup>1</sup> Окуджава Б. «Я никому ничего не навязывал...» / сост. А. Петраков. М., 1997. С. 96.
- <sup>2</sup> Белая Г. Ценность простых истин // Аврора. 1985. № 12. С. 111.
- <sup>3</sup> О совместных обсуждениях Н. Эйдельманом и Б. Окуджавой различных сюжетов из русской истории первой четверти XIX века свидетельствуют дневниковые записи Н. Эйдельмана: *Эйдельман Н. Дневник* // Звезд

УДК 821.161.1.09-31+929Улицкая

## ФИКЦИОНАЛЬНОЕ И ФАКТУАЛЬНОЕ ПОВЕСТВОВАНИЕ В РОМАНЕ Л. УЛИЦКОЙ «ДАНИЭЛЬ ШТАЙН, ПЕРЕВОДЧИК»

С. А. Григорь

Саратовский государственный университет  
E-mail: s-anatolievna@yandex.ru

В статье рассматривается роль жанровой стратегии в романе «Даниэль Штайн, переводчик» Л. Улицкой. Жанр романа позволяет автору наряду с повествованием от третьего лица, обратиться к стилизации различных форм бытового повествования, документов, включить в художественное произведение письма писателя – его создателя. Стирая границы между фикциональным и фактуальным началами в произведении, Л. Улицкая расширяет круг читательских интерпретаций.

**Ключевые слова:** фикциональное и фактуальное повествование, жанр, роман, автор, письмо.

#### Fictional and Factual Narrative in «Daniel Stein, Interpreter» by L. Ulitskaya

S. A. Grigor

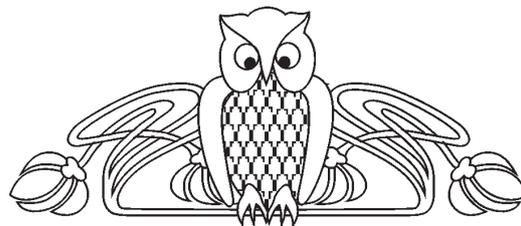
The article studies genre strategy in «Daniel Stein, Interpreter» by L. Ulitskaya. The genre of the novel enables the author along with the third-person narrative to apply stylization of different forms of everyday life narration and records, to introduce the writer's letters into fiction. Blurring the boundaries between fictional and factual principles in her work, L. Ulitskaya expands the range of reader's interpretations.

**Key words:** fictional and factual narrative, genre, novel, author, letter.

Известно, что мир художественного текста включает в себя образы из реального и воображаемого миров. Автор соединяет их в произведении

да. № 4. 2000. С. 29–81. О диалоге Н. Эйдельмана с Б. Окуджавой также см.: *Скарлыгина Е. Булат Окуджава и Натан Эйдельман : поэзия истории* // *Миры Булата Окуджавы : материалы Третьей междунар. науч. конф.* М., 2007. С. 190–195.

- <sup>4</sup> Окуджава Б. Чаепитие на Арбате. М., 1997. С. 338. Далее ссылки на это издание даются с указанием страниц в тексте.
- <sup>5</sup> «На любовь свое сердце настрою...» / Беседу вела И. Ришина // *Лит. газ.* 1984. № 17 (25 апр.). С. 6.
- <sup>6</sup> См.: *Бойко С. Поэзия Булата Окуджавы как целостная художественная система : дис. ... канд. филол. наук.* М., 1998 ; *Она же:* Реминисценции в поэзии Булата Окуджавы и проблема пушкинской традиции // *Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология.* 1998. № 2 ; *Она же:* Пушкинская традиция в лирике Булата Окуджавы // *Мир Высоцкого : исследования и материалы.* М., 1998. Вып. 2 ; *Выдрин В. А. С. Пушкин в творческом сознании Б. Ш. Окуджавы : романы «Путешествие дилетантов» и «Свидание с Бонапартом» : дис. ... канд. филол. наук.* Томск, 2010.



при помощи повествователя и подразумеваемого читателя. В зависимости от стратегии повествования писатель относит художественное произведение к известным в литературе жанрам или дает новое жанровое определение. Е. Г. Елина в статье «Маргинальные жанры в современной русской литературе» останавливается на такой черте современных художественных текстов, как жанровые модификации, вариации, стилизации, и замечает, что современные авторы не стремятся сдерживать себя своеобразной жанровой уздой. К жанровой размытости, по ее мнению, приводит сам способ общения писателя с читателем, приемы повествования и другие авторские стратегии: «Структура текста, его стилевые особенности, авторский пафос – все те компоненты, которые так или иначе являются жанрообразующими, постоянно “выталкивают” произведение из привычного жанрового ложа. Даже будучи обозначенным как рассказ или повесть, текст то и дело вырывается за пределы предуказанного жанра»<sup>1</sup>.

Так, роман «Даниэль Штайн, переводчик» Л. Улицкой вызвал полемику в литературной критике. Предметом этой полемики, помимо авторской идеи о возможности диалога между народами и представителями разных религий, стал вопрос о том, является ли произведение романом. По оценкам критиков, Улицкая создала богословское сочинение с минимумом возможных произвольных трактовок текста. Его форма по-